

Дадли Дурсль одиноко сидел на скамейке в парке; он торчал там с тех пор, как его отец ушел утром на работу. За последние несколько недель он много раз приходил сюда, к этой скамейке, размышляя о последних изменениях в своей жизни.

Когда за месяц до этого отец забрал его из Смелтингса, он был потрясен, увидев, что тот заменил старый седан на шикарный белоснежный «Бентли». Он не поверил своим глазам, когда отец вышел из этого новенького автомобиля в сшитом на заказ деловом костюме от Армани, украшенном бриллиантовой булавкой, шелковым носовым платком, и в прекрасных итальянских кожаных туфлях. Все родители его друзей, забиравшие своих детей, тоже были поражены этими изменениями, что очень польстило его отцу.

По дороге домой отец объяснил, что он получил повышение в буровой компании, и его зарплата значительно выросла, а еще он выиграл довольно крупную сумму денег в лотерею. Дадли обнаружил, что теперь они живут в поместье на северо-востоке Лондона, в престижном районе недалеко от Брентвуда. Всю дорогу домой Дадли составлял в уме список всего, что он собирался потребовать на свой день рождения, двадцать третьего июня.

Прошел его день рождения, и он действительно получил множество подарков. Дадли подарили небольшой байк, на котором он неумело гонял на просторном заднем дворе своего нового дома. Байк продержался почти две недели, но в один прекрасный день потерял управление и свалился в бассейн. Еще Дадли получил в подарок новейший, ультрасовременный компьютер и все игры, которые он только мог для нее придумать, стереосистему и один из самых больших плазменных телевизоров, которые были в продаже — целых тридцать шесть дюймов! Ему подарили полноразмерный музыкальный центр для его второй комнаты, новый мобильный телефон, черную куртку для верховой езды из австралийской овчины и видеокамеру одной из последних моделей. Отец отказался покупать ему машину до того, как Дадли получит права, и вместо этого подарил ему лошадь со всеми необходимым для верховой езды снаряжением. Дадли взобрался на лошадь, но тут же выпал из седла. С тех пор он даже не смотрел в ее сторону, боясь подойти к ней ближе, чем на двадцать футов. Дадли должен был кормить лошадь, но он не заходил в импровизированную конюшню на задней части поместья ни разу с того дня, как получил ее в подарок.

Дадли угрюмо огляделся. Вокруг были счастливые дети: одни играли на спортивной площадке, а другие катались на горках и качались на качелях. А он больше не мог издеваться над детьми, которые были младше его. Это прекратилось в первую неделю после того, как он сменил школу. Он жестоко избил маленького мальчика, который попросил его не курить рядом с ним. Как потом выяснилось, это был сын местного политика, который пожаловался своим родителям на этот инцидент. Конечно же, Вернон все категорически отрицал, говорил, что его отпрыск никогда не будет вести себя как последний хулиган. Но ему нечего было возразить после просмотра записи с одной из камер видеонаблюдения, расположенных в парке, на которой было отчетливо видно, что Дадли пыхтел как паровоз, а затем спрыгнул со скамейки и напал на этого мальчика.

Дадли угрюмо взглянул на эту самую камеру, установленную на ближайшем фонарном столбе, и мрачно подумал про себя:

— Я больше не в Литтл Уингинге...

Район, в котором они теперь жили, был населен высшим обществом, и был очень далек от пригорода среднего класса, в котором Дадли вырос. Хуже всего было то, что теперь рядом с ним больше не было его банды. Деннис, Пирс и все остальные находились за много миль от Лондона. Он больше не мог достать сигареты, потому что их им всегда покупал старший брат Пирса, Найлс. Он послал Пирсу письмо, в котором спрашивал, может ли он достать ему несколько пачек и отправить их по почте. Их до сих пор не привезли.

Последние несколько недель были для него мучительными. Видимо, родители поссорились и теперь не разговаривали друг с другом, не говоря уже о том, что они не находились вместе в одной комнате дольше нескольких секунд. Его мать постоянно раздражало все то, что ее окружало, а отец тихонько ворчал, хотя временами он выглядел очень расстроенным — в те моменты, когда пытался войти в спальню своей супруги. Дадли вздрогнул, вспомнив слова, которые его мать тогда бросила тому в лицо. Дадли не понимал, из-за чего они ссорятся, но... Мать что-то говорила о том, что ей лгали или что-то в этом роде. Он подумал, что это, наверное, имеет какое-то отношение к его кузену, но не был в этом уверен.

Еще одна вещь, которую невозможно было не заметить — это отсутствие его придурочного кузена. Он должен был вернуться из своей «школы» еще месяц назад. Отец сказал, что «мальчик» уехал к своим друзьям и больше никогда не вернется. Это показалось Дадли странным, ведь он отчетливо помнил, как старый страшный урод сказал им, что ему нужно вернуться к ним в самый последний раз. Может быть, это и было причиной ссоры между его родителями. Но Дадли почувствовал облегчение, когда узнал, что его двоюродный брат не вернется. Если то, что сказал этот старый козел, было правдой, то его двоюродный брат мог бы творить эти свои «чудеса» и дома; Дадли содрогнулся от мысли, что будет, если бы Гарри решил посчитаться с ним за все годы, которые он над ним издевался.

Дадли отвлекся от этих мрачных мыслей, услышав вой приближающейся полицейской сирены. Он знал, что они едут не за ним; сейчас все сильно отличалось от того раза прошлым летом... Он наблюдал, как по главной дороге мчалась патрульная машина, а затем она остановилась в северо-западном углу парка.

Теперь, когда он обратил на нее внимание, он услышал оттуда громкие голоса. Туда стягивались и другие машины — судя по звуку, полиция и пожарная команда. Дадли посмотрел сквозь деревья на ту часть парка и увидел клубящееся облако дыма. Голоса вдалеке становились все громче, периодически слышались крики, полные ужаса.

Он подпрыгнул на месте, услышав звуки выстрелов. В этот момент из-за деревьев вышла большая группа людей — они быстро приближались к нему. Ветер дул с их стороны, и до Дадли донесся запах протухшего мяса. Он встал, чтобы получше увидеть происходящее, и когда эта огромная толпа «людей» приблизилась к нему, он почувствовал, как кровь застыла у него в жилах.

Толпа состояла из людей, разложившихся кто сильнее, кто чуть меньше. Те из них, у кого была хоть какая-то одежда, были одеты в рваные тряпки и лохмотья, свисавшие с их скелетов. У некоторых не было одной или двух рук, а у некоторых даже головы.

Дадли побежал к своему дому в южной части парка. Он не был уверен, что успеет до него добраться, прежде чем его настигнет толпа зомби. Когда Дадли приблизился к дороге, обозначавшей границу раздела парка на северную и южную части, у обочины с визгом остановились две полицейские машины и фургон. Полицейские, вооруженные пистолетами и ружьями, выпрыгнули из машин и заняли оборонительную позицию. Когда Дадли пробежал мимо них, офицеры начали стрелять в толпу этой нежити.

Дадли не стал останавливаться, чтобы понаблюдать за происходящим, он со всех ног неся к переулку, ведущему к его дому. Если бы он потрудился оглянуться, он бы увидел, как толпа инферналов просто снесла полицейских на своем пути; но он услышал их крики, когда свернул за угол. Несколько минутами позже Дадли ворвался в парадную дверь их дома и, тяжело дыша и хватая ртом воздух, окликнул мать.

Петунья Дурсль выбежала из кухни, выглядя очень раздраженной, впрочем, как и всегда в последнее время:

— Что ты натворил на этот раз? Я слышала сирены...

— Мама! — выкрикнул Дадли: — Зомби! Их сотни... Они идут сюда!

Глаза Петунии сузились, и она прошипела:

— Не рассказывай мне эти сказки! Я же сказала тебе, что если у тебя еще раз возникнут какие-то проблемы с полицией, мы не будем тебя спасать! Ты уже достаточно взрослый, чтобы...

— Я не вру, мам! — заорал Дадли, указывая на окно. — Посмотри сама!

Петунья нахмурилась, глядя на сына, но подошла к окну и распахнула его. Она высунула голову и посмотрела на дорожку и широкую лужайку перед домом. Петунья услышала крики и визг, доносящиеся из-за высокой изгороди, отделявшей их дом от соседского. Ее глаза расширились, когда часть изгороди рухнула, и во двор ворвалась толпа ходячих трупов.

— За мной! — скомандовала Петунья, схватив сына за пухлую руку и пытаясь втащить его тяжелое тело на лестницу. Оказавшись наверху, Петунья вошла в комнату, где она проводила почти все время, и кинулась к старой коробке из-под обуви.

Она подбежала к столу и быстро сняла с коробки крышку, как только услышала звук бьющегося стекла и треск входной двери. Петунья вытащила из коробки очень старый пожелтевший пергаментный конверт, открыла его и вытащила письмо.

Она развернула письмо и бегло его просмотрела. Затем она протянула его Дадли и сказала:

— Быстро прикоснись к краю!

Дадли стоял, согнувшись и уперев руки в колени, пытаясь отдышаться; он взглянул на листок, который держала его мать, протянул дрожащую руку и взялся за уголок письма. Снаружи дома доносился пронзительный вой сирен гражданской обороны — сирен, которые не использовались уже много-много десятилетий.

— Опасность! — закричала Петуния, когда дверь комнаты затрещала под ударами приближающегося инфернала.

И Дадли, и Петуния почувствовали, что их словно тянут за животы вперед, а затем они исчезли в ярком дыму, покинув горящий дом в Брентвудском поместье.

Они оба тяжело приземлились на каменный пол в маленькой комнате с тонким ковром; она была похожа на старинную сувенирную лавку. Стены были увешаны множеством портретов, вокруг были книжные шкафы, в которых, кроме огромного количества книг, было много странных на вид бутылок и каких-то непонятных приспособлений, которые Петуния раньше никогда не видела. Посреди комнаты стоял большой дубовый стол, за которым сидела суровая женщина.

Женщина быстро встала из-за стола; удивление на её лице прошло так же быстро, как и появилось. Глаза старушки ожесточились, когда она узнала этих двух магглов, растянувшихся на полу ее кабинета.

— Доброе утро, — поприветствовала их суровая женщина, выйдя из-за стола. Это дало им возможность хорошенько рассмотреть ее мантию, украшенную магически сияющими звездами, планетами и лунами, парящими по ткани; такая мантия могла быть только у директора школы.

Глаза Дадли расширились от ужаса, он ползком попятился назад, указывая на пожилую ведьму и крича:

— Мама! Она одна из этих уродов!

Губы пожилой ведьмы сжались, а глаза засверкали от гнева, но она услышала, как на портрете за её спиной кто-то прочистил горло. Она повернула голову и посмотрела на портрет предыдущего директора школы, а затем взглянула на двух магглов, съездившихся на полу. Собрав все своё самообладание, она протянула Петунии руку и строго сказала:

— Вы, должно быть, Петуния и Дадли Дурсли. Меня зовут Минерва МакГонагалл, и я директор этой школы. Добро пожаловать в нашу школу чародейства и волшебства Хогвартс!

* * *

Гарри услышал скрип двери в детской комнате всего через несколько минут после того, как он уложил Котоне. Гарри притворился, что спит, а маленькая ведьмочка тихонько прокралась в гостиную. Его глаза были чуть приоткрыты, и он наблюдал, как она выглянула из-за края его стула и, убедившись, что он спит, очень тихо подошла к коврику из шкуры белого медведя и устроилась на теплом мягком меху. Гарри почувствовал себя не в своей тарелке, когда заметил, что она не надела халат, но не смог подавить улыбку, которая появилась на его губах, когда он заметил, что она сразу уснула. Почему у нее такая странная привычка спать на полу? И как долго она собирается дефилировать нагишом?

Улыбка Гарри тут же исчезла, когда его взгляд переместился на Гермиону. Вдоль стен у самого потолка тянулась длинная стеклянная трубка, и из нее с помощью магии струилось тусклое свечение. Он напоминал маггловский неоновый свет и заливал комнату белым сиянием. И даже при таком слабом освещении он видел, что цвет лица Гермионы по-прежнему такой же призрачно-белый, как и тогда, когда ее впервые уложили на диван.

Это было в полночь. Солнце уже давно зашло за горизонт, а кожа Гермионы все еще выглядела очень бледной. Он узнал, какие зелья Бен дал ей накануне вечером, и это были кроветворное и снотворное зелья. Похоже, что последнее сработало на отлично, но он начал потихоньку сомневаться в эффективности восполнителя крови.

Гарри взглянул вверх, на чистое голубое утреннее небо, через огромное грязное окно в чердачной крыше. Он всю ночь наблюдал за двумя своими спящими девочками и даже не пошевелился в своем подвесном кресле — оно было очень удобным. Когда он снова взглянул вниз, то увидел печальные фиолетовые глаза Котоне, смотрящие на него с пола. На ее лице было тревожное выражение — наверное, она гадала, не сердится ли на нее Гарри за то, что она сбежала из постели.

Гарри одарил ее улыбкой, которая, похоже, немного успокоила маленькую ведьмочку. Но его улыбка постепенно угасла, когда он вспомнил про иероглифы, словно выжженные каленым железом вдоль ее позвоночника; еще ему было очень любопытно, что же все-таки случилось с её крыльями. Он даже подумал о том, как бы ее спросить, как у десятилетней девочки могла быть такая сформированная грудь, но так и не смог придумать, как небрежно задать ей этот вопрос — словно бы между делом.

— Котоне, — тихо сказал Гарри, чтобы не разбудить Гермиону. — В одном из твоих воспоминаний, которыми ты поделилась со мной вчера... Я не видел, а скорее, «почувствовал», что у тебя были крылья. Что с ними случилось?

Котоне опустила глаза на коврик, лежащий под ней, и печально вздохнула. Не поднимая глаз, она тихонько спросила:

— Ты хочешь это увидеть?

— Нет, если ты не хочешь, чтобы я... Мне просто стало любопытно. Я почувствовал, как одно крыло сломалось, когда другие дети бросали в меня камни. Ну, то есть... в тебя...

Котоне оторвалась от ковра и встретила взглядом с Гарри. Его охватило уже хорошо знакомое ощущение замедления времени, и комната растворилась в темноте. Следующее, что понял Гарри — это то, что он летел над верхушками деревьев над широким незнакомым лесом. Чувство радости и свободы охватило его душу, когда он наклонил свое правое крыло и направился в сторону леса, пробираясь сквозь макушки деревьев с невероятной ловкостью и быстротой. Одним мощным взмахом крыльев он поднялся в небо. Ему хотелось, чтобы на нем не было всей этой дурацкой одежды. Она слишком сильно замедляла его полет.

Он знал, что он не должен был летать, но он уже так давно не мог расправить крылья, а весенняя погода была такой замечательной, что он просто не смог удержаться. Он планировал совершить быстрый полет над лесом и вернуться в свою комнату, но совершенно забыл об этом, как только почувствовал ветер в своих волосах и под крыльями.

Боковым зрением он мог видеть только передний край своих белоснежных крыльев, когда они с силой ударились об воздух, и держали его в высоте. С естественной легкостью он опустил одно крыло и резко повернул влево. Только тогда Гарри заметил, что он подлетел слишком близко к соседней деревне, в которой проживали волшебники, а у его отца был магазин палочек. Его неоднократно предупреждали, чтобы он держался подальше от этого места, потому что местные жители будут его бояться. Он был вынужден скрываться. Он должен оставаться одиноким.

Гарри охватила паника, и он быстро нырнул в гущу деревьев. Он решил, что успел вовремя скрыться из виду, но красная вспышка света перед глазами подсказала ему, что он ошибся.

Следующее, что он увидел — он лежит на спине, и его грубо тащат за лодыжки по главной улице этой деревни. Пока его тащили по грунтовой дороге, рядом с ним шла толпа любопытных детей. И пока это продолжалось, Гарри слышал потрясенные вздохи и ропот зрителей.

— Что это?

— Какое страшилище!

— Откуда она здесь взялась?

— Это же демон!

— Готов поспорить, что это именно она сожрала чернобурых лисиц!

Именно тогда в него полетел первый камень. Сначала он не понял, что произошло... Он просто почувствовал острую боль в затылке и его лицо упало в грязь. На мгновение все поплыло перед глазами Гарри, но как только он понял, что происходит, он обернул свои крылья вокруг себя, как это делают летучие мыши, пока шквал камней продолжал лететь в его тело.

Гарри был вынужден еще раз пережить ту часть видения, которую он уже видел в прошлый раз, пока не потерял сознание.

Очнулся Гарри уже глубокой ночью. Он обнаружил, что висит вверх ногами на дереве на краю деревни. Его запястья были связаны, и он чувствовал, как грубая веревка впивается в кожу вокруг его лодыжек. Каждая часть его тела изнывала от боли, особенно болела середина спины, от шеи и до хвоста. Что-то медленно ударило об его лицо, и Гарри потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это его левое крыло, свисающее на тонкой полоске окровавленных сухожилий, но все еще прикрепленное к его плечу. Он посмотрел на землю прямо под собой и увидел широкий темный участок земли, пропитанный его собственной кровью.

Он попытался закричать, но обнаружил, что у него просто нет на это сил. Его зрение затуманилось, и прежде чем снова провалиться в темноту, Гарри почувствовал, как слезы текут из его глаз по лбу.

Затем он различил смутное мимолетное видение встревоженного лица отца, когда Гарри несли через лес.

После очередного провала в памяти он очнулся, но из-за повязок на голове ничего не увидел, зато услышал плачущий голос своей матери:

— ...Слишком много повреждений... Она не сможет летать с одним крылом, оно сильно побито и переломано. Нам придется отрезать и его. Как они могли совершить это с ней... С пятилетним ребенком?

Затем его отец ответил:

— Они не видят в ней ребенка. Видят лишь монстра. Вот почему они пытались ее изгнать. Они думали, что если они наложат на нее это заклятье, то это отбросит ее обратно в Сан-Акцу (1). Слишком многие заиклены на этих старых способах. И они боятся того, чего не понимают.

Гостиная пляжного домика проступила из темноты, и Гарри обнаружил, что смотрит в слезящиеся глаза Котоне. Когда маленькая ведьма встала, глаза Гарри расширились. Он понял, что она собирается сделать.

Он быстро достал из-за пояса палочку Гермионы и произнес:

— Ассио мантия Котоне!

Подлетевшая из детской мантия-кимоно упала в руку Гарри как раз вовремя, чтобы он смог обернуть ее вокруг обнаженного тела Котоне, прежде чем заключить ее в объятия и позволить ей поплакать у него на руках.

— Все будет хорошо, — тихо произнес Гарри, обнимая ее, — я не позволю, чтобы что-то подобное повторилось когда-нибудь ещё.

Котоне потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться. Как только ее рыдания превратились в тихое сопение, ему в голову пришла идея. Он поднял ее голову со своей груди и с улыбкой сказал:

— Хочешь полетать?

Гарри увидел смущенный взгляд Котоне, когда он встал со стула и подошел к груде вещей, принесенных с площади Гриммаулд-Плейс. Гарри услышал, как она удивленно всхлипнула, когда он вытащил из этой кучи свою «Молнию».

Минутой позже Гарри низко летел над океаном, а Котоне плотно прижималась к его торсу. Он повернулся, чтобы взглянуть, как обстоят дела у маленькой ведьмочки, и выражение ее глаз было бесценно. Даже на её маске была самая широкая ухмылка, которую он вообще когда-то видел.

Гарри расслабился, пока они скользили над гребнями волн. Он старался не разгоняться, не желая пугать Котоне. Он сделал несколько ленивых поворотов и несколько осторожных маневров, стараясь держаться всего в нескольких футах от воды.

— Быстрее, быстрее! — смех Котоне был громче свиста ветра: — Разве ты не умеешь летать?!

Гарри удивленно моргнул, услышав этот вопрос. Его мысли вернулись к тем воспоминаниям Котоне, когда у нее были крылья. Маневры, которые она выполняла, просто захватывали дух, ведь она выполняла их в столь юном возрасте. На его губах появилась улыбка, такая же широкая, как и у Котоне, и он поднял древко метлы вверх и взмыл в небо.

— Так, значит, ты хочешь, чтобы я летал, да?

Гарри почти вертикально взмыл вверх, чтобы подняться над океаном. Они оказались так высоко в воздухе, что могли видеть за высоким водопадом всю дальнюю сторону маленького острова. Вокруг во всех направлениях до самого горизонта не было ничего, кроме чистой голубой воды. Они действительно были здесь одни.

Котоне радостно взвизгнула, когда Гарри внезапно направил метлу вперед, а затем исполнил

«мертвую петлю». Он вышел из маневра, вертикально пикируя вниз. Гарри пригнулся вперед к рукоятке метлы и слегка повернул в сторону, и их закрутило в серии широких витков. Гарри вышел из этого модифицированного «финта Вронского» всего в нескольких футах над набегаящими волнами.

Гарри наклонил метлу вправо, и они стали быстро приближаться к береговой линии; он управлял своей «Молнией» так, чтобы они, не снижая скорости, облетели пляж вокруг острова. Он оглянулся и улыбнулся, когда увидел песок, вздымавшийся им вслед. Они двигались с такой бешеной скоростью, что облетели остров по кругу менее чем за минуту. Гарри замедлил движение метлы, когда они приблизились к их пляжному домику, а затем мягко приземлился прямо перед входной дверью.

Гарри легко снял Котоне с метлы и поставил ее на песок, прежде чем слезть самому. Он схватил парящую «Молнию» и, обернувшись, обнаружил, что Котоне смотрит на него глазами, полными слез. Она потянулась к нему, и он привычным жестом взял её на руки. Её руки, волосы и хвост крепко обвились вокруг него, и Котоне прошептала ему в плечо:

— Спасибо. Это было великолепно.

Гарри про себя улыбнулся; он зашел в дом, держа одной рукой Котоне, а другой — свою метлу. Гарри прислонил метлу к двери, а затем усадил Котоне в подвесное кресло, в котором он провел ночь. Проверив, спит ли Гермiona, он направился в ванную, чтобы принять душ. Еще до того, как дверь в ванную закрылась, он заметил, что Котоне переместилась с кресла на свой любимый коврик. Что с ней? Почему её так притягивал пол?

После душа Гарри провел остаток утра, разговаривая с Котоне о своей жизни. Теперь он многое знал из того, через что прошла Котоне за свою относительно короткую жизнь, и считал справедливым, что она тоже должна знать о его детских годах. Они оба говорили о тех вещах, в которых они никогда не стали бы признаваться никому другому; но они чувствовали друг в друге родственную душу. Они знали, что в этом разговоре никто из них не будет проявлять ненужной жалости или осуждения. Гарри рассказывал о годах, которые он провел в кладовке, о несправедливых наказаниях, избиениях и о том, что ему не давали есть. Он рассказывал об эмоциональном насилии и материальном пренебрежении, она говорила о долгих годах одиночества и горького отчаяния, и оба они хотели поведать друг другу о том, что они забыли, как смеяться или плакать... и вообще чувствовать.

Примерно в середине разговора Котоне переместилась с коврика на колени Гарри, и они дарили друг другу ободряющие улыбки, когда это было уместно, и сочувственные объятия, когда это было необходимо. Разговор временами становился очень эмоциональным, особенно когда поднималась тема родителей.

Гарри слушал рассказ о жизни Котоне с родителями. Они были очень строгими, как и большинство японских родителей, но и очень любили ее. Он узнал, что ее отец был последним мужчиной в роду Оутэ, что положило конец многовековой чистокровной и гордой династии. Она также объяснила, что из-за смерти отца «проклятие» её семьи наконец-то спадет. Когда Гарри спросил, что было бы, если бы у нее были дети, она моментально нахмурилась. Котоне

ответила, что она даже не надеется найти кого-то, кто полюбил бы её, поэтому ее шансы на создание собственной семьи равны нулю. Гарри собирался ей возразить, но Котоне лишь улыбнулась в ответ и сказала, что это её крест, и ей его нести, но у неё план, как стать счастливой. Она быстро сменила тему и не дала Гарри спросить её об этом.

Они были так увлечены этим эмоциональным, непростым разговором, что ни один из них не заметил пары усталых карих глаз, пристально наблюдающих за ними с дивана.

В их разговоре наступила пауза, и Гарри откинулся на спинку подвесного кресла, а Котоне свернулась калачиком у него на коленях; они смотрели в разные стороны, погруженные в свои мысли и воспоминания.

После нескольких минут такого дружеского молчания Гарри подтолкнул Котоне и спросил:

— Ты ничего имеешь против того, чтобы питаться рыбой?

Котоне улыбнулась, продолжая смотреть на камин:

— Рыба хороша, она вкусная, но я должна съедать ее очень много.

— Если ты голодна, почему бы тебе не пойти и не поесть?

Котоне улыбнулась, и слезла с колен Гарри:

— Да... Ты хочешь, чтобы я поймала немного рыбы для тебя и для Орлицы?

— Звучит круто, и я уверен, что Гермiona, когда проснется, будет ужасно голодная.

Гарри встал с кресла и вытащил палочку Гермiony, намереваясь превратить халат Котоне в тот купальный костюм, в котором она была накануне. Но прежде, чем он встал на ноги, Котоне сбросила на пол свой халат-кимоно, выскочила через парадную дверь и уже пересекла пляж.

Гарри мысленно усмехнулся, увидев удаляющийся голый зад маленькой ведьмочки. Он не знал, что было более странным — проявившаяся недавно склонность Котоне бегать голышом или то, что он совсем не беспокоился по этому поводу.

Гарри все еще задумчиво смотрел на раскрытую дверь, когда неожиданно услышал позади себя голос Гермiony:

— Что ж, приятно видеть, что ты наконец-то кому-то открылся...

Гарри обернулся и увидел, что Гермиона улыбается ему из-за спинки дивана. Он на несколько мгновений замер, глядя на нее, а затем со всех ног бросился к дивану. Гарри был удивлен, увидев, что её кожа стала нормального, здорового цвета, и вообще Гермиона выглядела прекрасно.

— Гермиона! — воскликнул Гарри, обнимая ее. — С тобой все в порядке? Что случилось? Как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке. Извини, что я так тебя напугала. Я знаю, что это было безрассудно, но это нужно было сделать.

Восторг от того, что она проснулась и хорошо себя чувствует, быстро перерос в гнев:

— Что ты сделала? Что с тобой произошло? Я был уверен, что ты мертва!

Гермиона совершенно потеряла голову в объятиях Гарри, и она почти не слышала то, что он говорил. Она неохотно отстранилась, чтобы взглянуть ему в глаза:

— Я проводила ритуал для того, чтобы усилить свои способности. Мне жаль, что я расстроила тебя, но я знала, что делаю; и это единственный способ избавиться от этой проклятой змеи внутри тебя. Я должна была это сделать!

Гарри внимательно смотрел на нее несколько мгновений, а затем устало вздохнул и спросил:

— Ну и как, сработало?

Гермиона улыбнулась и кивнула:

— Думаю, да. Не хочешь проверить?

— Ты уверена, что ты готова? Я имею в виду, что всего несколько часов назад ты выглядела умирающей.

— Так и было, — сухо сказала Гермиона, — я должна была «увидеть» смерть. Это было частью ритуала. Я знала, что все выполнила правильно, и со мной все было бы хорошо через день или два, и я бы полностью восстановилась, но твоя помощь мне очень помогла. Сейчас я чувствую себя прекрасно.

Гарри все еще смотрел на нее недоверчиво, но он видел, что с ней действительно все хорошо. Через мгновение он кивнул и сказал:

— Хорошо, и как мы собираемся это проверить?

Гермиона улыбнулась и повела Гарри в ванную комнату, а затем попросила его встать перед ванной.

— Я понимаю, что использование чужой палочки несколько снижает эффективность большинства заклинаний, но для того, что нам сейчас нужно, это не так уж и важно. Теперь наполни ванну водой.

Гарри пожал плечами, направил палочку в сторону ванны и произнес заклинание *Aguamenti*, и из палочки полилась струйка воды. Гермиона схватила его за руку, остановив поток воды, и сказала:

— Нет, не так, вызови воду.

Уверенность Гарри чуть пошатнулась, но он снова направил палочку в ванну и произнес:

— *Aguarario!*

На дне ванны показался почти фут чистой воды, наполнив ее примерно на одну пятую. Со второй попытки у него получилось немного лучше, и ванна заполнилась почти наполовину. После еще двух взмахов палочки вода достигла краев ванны.

— Неплохо, — сказала Гермиона, — теперь за раз избавься от такого количества воды, насколько сможешь.

Гарри кивнул и произнес заклинание:

— *Evanesco!*

На поверхности воды появилась воронка, из-за которой окружающая вода заполнила оставшуюся часть ванны. Как только вода достигла состояния равновесия, стало понятно, что исчезло около трети воды. Гарри потребовалось еще две попытки, чтобы полностью осушить ванну.

Гермиона забрала свою палочку и повторила то же заклинание, в результате чего ванна наполнилась сразу наполовину. Увидев, что Гарри это заметил, она полностью осушила ванну.

— Хорошо, — немного сконфуженно сказал Гарри, — за один раз ты можешь наколдовать больше воды, чем я.

Гермиона улыбнулась и покачала головой:

— Подожди... Это был пример того, что мы можем сделать без усиленных магических способностей. Ритуал, который я провела, повлияет на то, как я использую магию, когда я нахожусь в том самом «состоянии». Смотри...

Гермиона направила палочку на ванну и закрыла глаза. Почти сразу перед ней появился вращающийся Инь-Ян. Ощущение замедления времени вокруг нее в этот раз было гораздо более сильным и наступило гораздо быстрее, чем обычно. Она почувствовала, как ее охватило странное ощущение, но предположила, что это и есть эффект от ритуала усиления способностей. Она не заметила громкого шокированного вздоха, который издал Гарри. Гермиона сосредоточилась на ванне и мысленно произнесла:

— Aguapario!

Результат был поразительным и немедленным. Гермиона вышла из своего состояния и обнаружила, что они стоят по колени в воде. Вода чуть было не захлестнула их, хлынув через открытый дверной проем в гостиную. Похоже, что Гермиона сама не ожидала такого результата; она изумленно взвизгнула, а затем быстро наложила серию заклинаний *Evanesco* и *Scourgify*, чтобы избавить дом от неожиданного наводнения.

— Потребуется немало времени, чтобы к этому привыкнуть, — смущенно произнесла Гермиона, закончив сушить последние промокшие вещи в гостиной. — По крайней мере, у нас теперь вымыты полы.

Не услышав от Гарри ни слова, она повернулась и увидела, что он стоит в дверном проеме ванной комнаты и смотрит на нее с непонятным выражением лица.

— Гарри, что... Что случилось? Я имею в виду, что я знаю, что воды было слишком много, гораздо больше, чем я ожидала, но ведь я... Я... Я ее убрала.

— Сделай это еще раз, — еле слышно произнес Гарри.

— Что? Залить все вокруг?

— Нет, снова войди в это «состояние».

Гермиона не знала, что так подействовало на Гарри, и ей не хотелось ничего делать, пока она не поймет, что происходит. Она открыла рот, чтобы его спросить, но Гарри только покачал головой и повторил:

— Сделай это еще раз.

Она поднесла кончик своей палочки ко лбу, но Гарри взял ее за руку и сказал:

— Ты не делала этого минуту назад. Сделай это без своей палочки.

Прежде чем закрыть глаза, она бросила на Гарри еще один настороженный взгляд. Как и в прошлый раз, перед ее внутренним взором мгновенно появился Инь-Ян, сопровождаемый странным ощущением замедления времени. Она открыла глаза и увидела, что Гарри смотрит на нее. Его глаза были широко распахнуты, и он пытался ей что-то сказать, но тон его голоса был настолько низким из-за этой предполагаемой разницы во времени, что ей было трудно разобрать слова.

Гарри наблюдал за почти мгновенной трансформацией своей лучшей подруги. Как будто ее привычный облик моментально растаял, а на его месте появилась очень устрашающая фигура. Когда она проделала эксперимент с водой, это случилось очень быстро, и так же быстро исчезло, и он лишь мельком увидел эту трансформацию. Теперь у него была возможность полностью оценить ее изменившуюся внешность.

Волосы Гермионы потемнели и стали угольно-черными, с кроваво-красными бликами на свету. Ее глаза были совершенно расфокусированы, и карие радужные оболочки почти скрылись за огромными черными зрачками. Цвет лица Гермионы стал таким же, каким он был, когда она была без сознания, и от этого непривычный вид её глаз стал ещё более заметным. Даже белый халат, который для нее наколодовал Бен, превратился в струящееся черное платье из такого тонкого и прозрачного материала, что оно было словно соткано из паутины. Ее кожа под прозрачной тканью была такой же бледной, и он мог различить темные ареолы ее сосков и темный участок волос на лобке.

Когда трансформация достигла ее ног, из-под ее платья словно вытек темный туман, плывя вокруг нее по полу, как дым, и этот дым поглощал большую часть света из комнаты. Окончательное преобразование сделало ее облик темным, мощным и даже немного пугающим. Если бы он не знал, что перед ним все еще стоит его Гермиона, он бы подумал, что она вампир или... Некромант. Да, теперь она точно стала похожа на Некроманта... она выглядела злой. Но даже с такой темной готической внешностью она источала удивительную красоту, опасную чувственность, от которой у него перехватило дыхание.

Когда Гермиона вышла из этого «состояния», трансформация почти мгновенно прекратилась, и она вновь стала такой же, как раньше. Она с любопытством взглянула на Гарри, как будто совершенно не подозревая о том, что только что произошло.

— Ты в порядке, Гарри? — спросила Гермиона, увидев изумленное выражение его лица. — Ты выглядишь так, будто только что увидел привидение!

1) 山崎 慈 (San a kushi ~yu) — разновидность Ада.